

DOI: 10.12731/2218-7405-2015-2-39

УДК 81'271

ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНОГО ВОСПРИЯТИЯ ПРОСТРАНСТВА В ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЕ МИРА

Федосеева Л.Н.

Автор данной работы исходит из постулата о связи языка и культуры. Дается краткая характеристика истории вопроса. Влияние пространственных представлений на формирование национальной картины мира доказывается обращением к проблемам ментальности и подтверждается наблюдениями и выводами авторитетных философов, культурологов, лингвистов. Центральное место в работе занимает рассмотрение языковой картины мира на примере отражения в ней феномена пространства. Исследуются различные аспекты функционирования в русском языке единиц с пространственным значением, имеющие национально-ментальный характер. Факты языка и речи представлены в сопоставительном плане, что позволило сделать выводы об особенностях восприятия пространства представителями различных лингвокультур.

Ключевые слова: язык и культура; языковая картина мира; лингвокультура; ментальность; национально детерминированные различия; восприятие пространства; локум; локатив.

REFLECTION OF NATIONAL AND CULTURAL PERCEPTION OF SPACE IN LINGUISTIC WORLD VIEW

Fedoseeva L.N.

The research is based upon the idea of relationships between language and culture. It reports the history of the issue under discussion. In order to prove that spacial phenomena shape national world view the author relies upon the notion of mentality, practical observations and researches of well-known philosophers, experts in culture and linguists. The key point of the work is a special phenomenon as a part of linguistic world image. The author studies functioning of spacial units of the Russian language. Language and speech phenomena are analyzed in

comparison with each other that makes it possible to emphasize definite peculiarities in perception of space relationships by people speaking different languages.

Keywords: *language and culture; linguistic world view; linguistic culture; mentality; nationally determined differences; perception of space; lokum; locative.*

Тесная связь языков и культур отмечалась учеными еще задолго до возникновения лингвокультурологии как отрасли научного знания, в то время, когда язык изучался как исключительно лингвистическое явление. Одним из первых ученых, обративших внимание на связь языка и национального самосознания, был немецкий философ и языковед В. фон Гумбольдт [4], заложивший основы философии языка в качестве самостоятельной сферы научной проблематики. Свои взгляды на язык как на деятельность, характер и структура которой являются отражением культуры и индивидуальных особенностей говорящих, он изложил в трактате «О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества» («Über die Verschiedenheit des menschlichen Sprachbaus und ihren Einfluss auf die geistige Entwicklung des Menschengeschlechts») [4, с. 37-297].

Многие современные ученые не считают возможным рассматривать языковую семантику вне связи с культурой носителей языка. С.Г. Тер-Минасова отмечает, что связь языка и культуры обусловлена тем, что между реальностью и языком стоит мыслящий человек, его носитель: «Путь от реального мира к понятию и далее к словесному выражению различен у разных народов, что обусловлено различиями истории, географии, особенностями жизни этих народов и, соответственно, различиями развития их общественного сознания. Поскольку наше сознание обусловлено как коллективно (...всем тем, что ...определено словом «культура» в его широком, этнографическом смысле), так и индивидуально (специфическим восприятием мира...), то язык отражает действительность не прямо, а через два зигзага: от реального мира к мышлению и от мышления к языку» [11, с. 39]. Национальная картина мира первична по отношению к языковой, и это объясняет зависимость языка от культуры. Однако происходит и обратное влияние на культуру и мышление путем формирования в сознании языковой картины мира: «Язык навязывает человеку определенное видение мира» [там же, с. 47]. Одна культура всегда противопоставлена своими признаками другой и познается в таком противопоставлении, при этом существует немало случаев, когда семиотика одной культуры столь же успешно принадлежит и иной культуре [7].

Влияние пространственных представлений на формирование национальной картины мира отмечается многими философами, культурологами и лингвистами. Так, Г. Гачев в своих рабо-

тах по культурологии уделяет большое внимание влиянию географических и геополитических факторов на формирование образа мира различных народов. «Природа, среди которой народ вырастает и совершает свою историю, есть первое и очевидное, что определяет лицо национальной целостности. Она – фактор постоянно действующий. Тело земли: лес /и какой/, горы, море, пустыни, степи, тундра, вечная мерзлота или джунгли; климат умеренный или подверженный катастрофическим изломам ..., животный мир, растительность – все это предопределяет и последующий род труда и быта ... и модель мира...» [2, с. 63].

В трудах Г. Гачева содержатся интересные наблюдения о влиянии пространственных факторов на формирование особенностей национального менталитета. О болгарской картине мира он пишет следующее: «Болгария – это чаша на Балканах вниз и вверх дном: чаша вниз дном – то котловины ее земель между гор... А чаша вверх дном – «там, на Балкана», где гайдук и ветер свободы. В котловине же – земля и труд, культура и «кыща» (дом), семейство, быт... «Там, на Балкана», люди воздуха, и таковые и неслись в Россию; бессемейные, недомашние потянулись на север, ветер и снег, к свободе и культуре, прочь от любви – дома, семьи... И вот призвание Болгарии – гармония между этими чашами: свой шар блюсти в своем геополитическом средостении между Турцией и Европой, между Россией и Средиземноморьем – Элладой...» [3, с. 507].

Сравнивая американский и русский способы восприятия мира в части роли размерности занимаемых народами территорий с болгарским мировидением, автор отмечает: «Вообще болгарская Психея симпатизирует маленькому: оно родно» [там же, с. 512].

В предпочтении различных пространственных форм Г. Гачев тоже находит различия: американцы стремятся к строгой планировке, длинным и прямым улицам и к их цифровому упорядочению. «Геометрия и математика – в основе технического мышления и конструирования: выпрямление ургийное естественных кривых – гонимых линий жизни и природы. А именно они значащи в Болгарии: шары, дуги, неправильности всякого рода... свитесь в округлость тела, живота, запахнуться в непрозрачность, невидаль и таинство склонен болгарин, а не запахнуться и разложиться-расправиться на ровной плоскости ясности. И чем перекрученнее – тем домашнее» [там же, с. 519].

Россия же – «это «бесконечный простор». Пространство тут важнее времени. ... Россия – огромная белоснежная баба, расплзающаяся вширь: распростерлась от Балтики до Китайской стены, а пятки – Каспийские степи. ...Даль и Ширь здесь привилегированнее Выси и Глуби, горизонталь мира важнее вертикали» [там же, с. 622].

Ю.С. Степанов также отмечает особенности национально-культурного восприятия пространства: «...обращение с пространством – определенным образом нормированный аспект человеческого поведения, когда замечаем, что люди, воспитанные в разных национальных культурах, обращаются по существу с ним по-разному, в соответствии с принятыми в их стране «моделями» (patterns), по выражению американского исследователя Э.Т. Холла. На Ближнем Востоке, замечает этот автор, он чувствовал себя как бы в давке, и это часто вызывало у него ощущение тревоги. Дома и служебные помещения были устроены столь отлично от американских, что его соотечественники приспосабливались к ним с трудом и постоянно жаловались на то, что места или слишком мало, или слишком много, и оно пропадает напрасно. Различия организации пространства этим не ограничиваются. В Японии пересечения улиц имеют названия, а сами улицы – нет. Араб на простой вопрос, как пройти, дает такие указания, что европейцу невозможно ими воспользоваться, пока он не постигнет всю арабскую систему указаний. Для немца из Пруссии вы «в комнате», если можете говорить и видеть кого-нибудь в комнате, хотя бы вы и стояли на пороге. Для американца вы «в комнате» только тогда, когда внутри целиком ваше тело и вы можете оторвать руку от дверного косяка. Колумбиец или мексиканец часто находят, что североамериканец, с которым они разговаривают, держится холодно и отчужденно, только потому, что североамериканец не любит, чтобы до него дотрагивались и отступает назад как раз тогда, когда колумбиец считает, что он подошел достаточно близко, чтобы заговорить. Для американца удобным расстоянием при разговоре будет 75 см, но для мексиканца это слишком далеко» [10, с. 7].

Пространственный фрагмент языковой картины мира в сознании носителей различных языков, следовательно, будет включать неодинаковый арсенал средств для своего выражения. Языки отличаются друг от друга не только лексикой и грамматикой, но и определенным набором смыслов и значений, которые при помощи лексики и грамматики могут или не могут быть выражены. Языковая картина мира носителей языка образуется своеобразием семантического пространства конкретного языка, отражает восприятие его носителями внешнего мира и их иерархию ценностей. Языковое поведение отражает культуру в не меньшей степени, чем неязыковое. Если исходить из этого, то в формах языка не могут не содержаться культурно детерминированные признаки, так как языковое поведение неизбежно развивается под влиянием культуры [13]. Еще со времен исследований Э. Сепира и Б. Уорфа [12, 16] внимание ученых привлекали языковые знаки, служившие маркерами культуры, указывавшими на те или иные особенности народа-носителя. Отметим, что за языковым знаком как культурным символом скрывается не значение, а культурное содержание с характерными векторами и измерениями

культуры [8, с. 44]. Исследования символических признаков культуры пока еще слабо связаны с языковыми формами. Исключение составляет культурно маркированная лексика [1]. Внимание ученых также привлекает визуальная сторона культуры – археологические артефакты, старинные монументы, странные предметы, эксцентричные поступки, подозрительная пища, любопытные ритуалы, загадочные обряды и необъяснимое поведение [15]. Язык же представляет собой знаковое воплощение коллективной памяти носителей культуры и служит ее социальным символом. К этому можно добавить, что язык есть такая же обусловленная культурой система поведения, как и система обусловленных культурой неязыковых поступков [8, с. 43]. В области функционирования в русском языке единиц с пространственным значением это проявляется в различных аспектах, пока мало изученных, но, несомненно, представляющих интерес в качестве культурных маркеров. Отметим некоторые из них в сопоставительном плане.

В «высоко контекстных» культурах (народы Азии), где план содержания значительно полнее плана выражения и в высказывании многое подразумевается, но не выражается [8, с. 51], местоположение предметов в пространстве определяется с учетом наблюдаемой географической реальности. В языках американских индейцев для указания местоположения предмета на столе используется модель «к востоку от центра стола». Китайцы в таких случаях говорят: «на востоке стола», «на юге стола», «на западе стола», «на севере стола» [14]. В языках австралийских аборигенов (с их созерцательной культурой восприятия мира) встречаются фразы типа «Что это у тебя на северной стене комнаты?» и даже «твоя южная коленка». На Гавайях указывают расположение предметов следующим образом: «по направлению к горам», «по направлению к океану» [8, с. 52]. Некоторые признаки созерцательной культуры, сформированные под влиянием восточных традиций, можно обнаружить и в русском языке: «восточное окно», «северная комната», «западное крыло дома», «южная часть храма» и др. Однако европейская языковая традиция, в том числе русская, в подобных ситуациях, как правило, определяет положение предметов относительно друг друга (предметно-соотносительная локализация – особая сфера локативности, выражающая пространственные отношения), когда один из предметов выступает в качестве локума (ориентира), по соотносимости с которым определяется местонахождение другого: расположение предмета на поверхности локума (*на стуле, на окне, на стене*); расположение предмета по вертикали относительно локума (*под деревом, над домом, под куполом*); расположение предмета по горизонтали относительно локума (*впереди отряда, позади строения, сбоку от здания*); степень близости / удалённости предмета от локума (*рядом со школой, недалеко от остановки, вблизи сторожки*); уточнение правой / левой ориентации предмета относительно локума (*справа от палатки, слева от гаража*); размещение

в пределах / за пределами локума (*за окном, внутри комнаты, снаружи здания*); конкретное расстояние между предметом и локумом (*в двух шагах от колодца, в трёх метрах от дороги, в пятнадцати километрах от города*); способ расположения предмета относительно локума (*посередине реки, между кострами, меж столов*).

Слова-локативы указывают на своеобразное членение мира, особенности его отражения в языковом сознании. Так, русские глаголы движения образуют две оппозиции однонаправленных (*идти, ехать, плыть, лететь* и др.) и разнонаправленных (*ходить, ездить, плавать, летать* и др.) глаголов, которые не выражают направления по отношению к пространственному ориентиру. Они фиксируют сферу перемещения (*идти, плыть, лететь*) или темп (*идти, бежать*). Для передачи идеи направления, особенно важной для представителей русской лингвокультуры, глаголы движения используют приставки (*заехать, прийти, убежать, подъехать*), тогда как, например, у англофонов детализация значений представлена не так разнообразно: английский глагол *to go* может обозначать *идти, уйти, ехать, уехать*, глагол *to come* – *прийти, приехать, подойти*.

Сему направления имеют приставки в русских глаголах движения (*прийти, уйти, въехать* и др.), своеобразно сочетающихся с предложно-падежными формами имён существительных, передающими локативные значения. Так, в сознании носителя русского языка пространство вокруг разделено на определённые зоны [5, с. 10]. *Прийти, приехать* можно только из одной зоны в другую, в пределах же одной можно *подойти, подъехать*. Зоны делятся на «внешнюю» и «внутреннюю»: *войти, въехать* можно из «внешней» зоны во «внутреннюю», поэтому в комнату можно *войти* из коридора, *на балкон* – с улицы, а из комнаты в коридор и на балкон можно только *выйти* (из «внутренней» зоны во «внешнюю»). По этой же причине *в поле, в дуга* мы *выходим*, а *в лес, в парк* *входим*, *в сад* *входим* с улицы, а *выходим* из дома. Следует заметить, что значение словосочетания «глагол *выйти/уйти* + словоформа с предлогом *из*» обуславливается в определённых случаях управляющим словом и речевой ситуацией. Например, *выйти из университета* – покинуть здание, *уйти из университета* – либо покинуть здание, либо прекратить обучение в данном месте (в зависимости от речевой ситуации). Ср. также: *выйти из школы* – *уйти из школы*, *выйти из дома* – *уйти из дома*. Для обозначения определённых аспектов движения в русском языке функционируют различные предлоги: *из* – если действие/движение направляется изнутри, *с* – с поверхности, *от* – если называется отправной пункт движения. Французский язык, например, во всех трёх случаях предлагает один предлог *de*, вышеперечисленные значения передаются семантикой имени, не усиливаясь семантикой предлога: *de la table* (из стола), *de la fenêtre* (с окна), *de la maison* (от дома).

Таким образом, разнообразие приставочных глаголов, выражающих варианты направления движения, и их специфическая сочетаемость с управляемыми словами позволяют утверждать, что пространственно-динамические параметры чрезвычайно актуальны для русской ментальности. Этот факт, а также отражение дискретности пространства в языковом сознании связывается, по всей видимости, с обширными территориями страны, постепенно исследуемыми и осваиваемыми.

Наблюдаются национально детерминированные различия в осмыслении и представлении одной и той же «типовой ситуации» (термин М.В. Всеволодовой). Так, некоторые именные группы, состоящие из предлога *из-за* и существительного в родительном падеже, выявляют особенности в восприятии пространства. Например, в польском языке используется выражение, соответствующее русскому *добавил из-за порога*, тогда как русские скажут *добавил уже за порогом*. Объясняется это, на наш взгляд, тем, что в русской лингвокультуре порог является не преградой, а условной границей жилища, символической защитой для человека, отделяющей обжитую часть пространства от внешнего мира. В древности на Руси существовала традиция под порогом погребать детей, некоторых предков, души которых якобы были оберегом. В православном доме на правый угол двери прикрепляли крест-накрест свечи; считалось, что магическую силу имеют свечи, принесённые из церкви после вечерней службы в великий четверг. На славянской свадьбе посыпали зерном жениха и невесту в каждом случае перехода через порог. До сих пор о пороге живет много поверий: нужно оказывать ему почтение, поэтому нельзя становиться, садиться на него, прыгать и передавать через него деньги, наступать на порог не живущему в доме человеку. Но всё это следует иметь в виду, контролируя свои действия, сам же порог реальной преграды не представляет, поэтому используется предлог *за*, обозначающий место действия, в отличие от предлога *из-за*, который фиксирует наличие объекта, препятствующего непосредственному контакту.

Схожая ситуация наблюдается при употреблении форм *из-за окна*, *из окна*, *в окне* (*в окно*), *через окно* в разных языках. Поляки, например, употребляют выражения, дословно переводимые как *из-за плотно занавешенных окон не проникал свет*, *улыбался ему из-за окна*, не используемые носителями русского языка, которые скажут *улыбаться из окна/в окне* (наблюдатель на улице) и *за окном* (наблюдатель в доме), поскольку окно, как и порог, в русском сознании не является преградой – это отверстие для проникновения света, трасса, ср.: *в/через плотно занавешенные окна не проникал свет* (наблюдатель в доме) или *из плотно занавешенных окон не проникал свет* (наблюдатель на улице) (примеры М.В. Всеволодовой). Дело в том, что в древности окно, узкая щель, очень незначительная по сравнению с площадью стены,

служила для освещения комнат в небольшой степени; только в светлицах, окна которых ориентировались на юг или восток, какое-то время было довольно светло и не требовалось дополнительного освещения. Окна имели значение наблюдательного пункта; с другой стороны, они же были самым уязвимым местом, через которое могли проникнуть чужие глаза, зло магического свойства. Через окно смотрят, но не выходят; прохождение через окно живого существа, не обитающего в доме, считается дурным знаком: влетевшая в окно птица предвещает болезнь или смерть кого-то из родных. Таким образом, окно у русских – отверстие, соединяющее дом с внешним миром. «По-видимому, в этом случае польский язык воспринимает локум ... скорее как разделительную линию между двумя зонами, в то время как в русском языковом сознании это должна быть обязательно преграда. Если такой преграды нет, в русском языке обозначается место действия: *сказал за порогом, улыбался за окном*», – читаем у М.В. Всеволодовой [там же, с. 131-132]. Французский язык, подобно польскому, имеет модели *ajoutée de derriere la seuil* (добавил из-за порога), *parce de derriere le fenètre* (сказал из-за окна), в которые кроме семы преграды заложена ещё идея директивности (добавил, сказал откуда?).

В русском языке используется существительное в творительном падеже без предлога для указания на место совершения действия, обычно то, по которому движется человек, чтобы достичь другого места. Употребление этой формы имеет особенности, связанные с национально-специфичным восприятием данной типовой ситуации. В предложении типа *Иду лесом* творительный падеж представляет не место действия, а средство, обстановку прогулки, особую фазу действия, направленного на определенную цель. Он шел лесом, потому что стремился достичь другого места (не потому, что он хотел быть в лесу).

Таким образом, беспредложный творительный места можно рассматривать как обозначение пути к другому месту. При этом локум назван, охарактеризован в целом, чтобы показать, какого он рода, но он не помещается в фокус внимания и не идентифицируется, поэтому для обозначения пути движения не употребляется имя собственное. Более того, существительные, называющие дискретные и определенные объекты (слова типа *дверь, окно, терраса, труба*), также неуместны в конструкции с указанным значением, так как русский творительный места затемняет дискретную и индивидуальную природу тех мест, которые он называет, и представляет их скорее как качества, чем как предметы: **Иван выбежал дверью*. Место передвижения не имеет самостоятельного интереса для говорящего – он называет его только в качестве способа охарактеризовать действие. Формы типа *идти лесом, двигаться полем* отсутствуют, например, в английском и французском языках. Ср. фр.: *traverser la forêt* (пересекать лес), англ. *walk through the field* (идти через поле).

Наречия-локативы при речевом использовании нередко имеют особенности национально-ментального характера. Например, слово *здесь* у инофонов, в отличие от представителей русской лингвокультуры, включает говорящего в локализацию: *Здравствуйте, Али здесь* (в телефонном разговоре), ср.: *Здравствуйте, это Мария*. Русские, говоря о себе, избегают слова *здесь* при именительном представлении, тем самым дистанцируясь от пространства, в пределах которого находятся. Т.М. Николаева отмечает: «...правомерно сказать об отличии именно русского этикетного поведения в инициальной телефонной фразе, отделяющей русский этикет не только от славянского, но и шире – европейского употребления, когда говорят *здесь*: *Здесь Милка; Здесь Эльжбета; Здесь Кристиан Саппок* и т. д. По этому поводу предлагается тезис о том, что русское *здесь* не предполагает включенность говорящего в локализацию, т.е. это поле «чужого», а не «своего»: *Здесь построили школу; Здесь растут грибы; Здесь хорошо* – все это имеет место помимо говорящего (*Я здесь живу; Я купил здесь книгу*, по нашему мнению, свидетельствует о локализованности, а не об активной ангажированности). Поэтому интродуктивное *Здесь Ирена* воспринимается как сообщение о третьем лице» [9, с. 324].

В русском языке наряду с наречиями *далеко, недалеко, близко* есть на первый взгляд очень похожие по значению слова *вдали, вдалеке, невдалеке, неподалеку, вблизи*. Однако разница есть: вторая группа наречий обозначает расположение чего-либо относительно говорящего в видимом ему горизонтальном пространстве, в связи с чем они указывают на абсолютную степень удалённости, часто с указанием расстояния. *Вдали высилась гора; Невдалеке расположились туристы*; ср. неотмеченность: **Где-то здесь невдалеке есть автобусная остановка*; и возможное – *Автобусная остановка где-то здесь недалеко*. Дело в том, что язык способен отражать абсолютную и относительную модели пространства. Абсолютная модель – это конкретное физическое пространство, трёхмерное, гомогенное и протяжённое, существующее объективно. Относительная модель – пространство, находящееся в поле зрения наблюдателя, оценивающего его параметры. Русский язык описывает обжитое пространство через позицию наблюдателя, в связи с чем предлагаем тезис о важности для представителя русской лингвокультуры визуального контакта с пространственным объектом для отражения идеи освоенности, обжитости. Другие языки представляют данную оппозицию не во всех отмеченных случаях. Ср. англ: *close* (близко, вблизи), фр. *loin* (далеко, вдали).

Поскольку «языковая картина мира представляет собой статичное, относительно стабильное непсональное образование, в основных своих позициях стандартное для всех носителей данного языка и культуры и мало изменяющееся в пределах жизни 2-3-х поколений» [6, с. 129], то восприятие пространства представителями различных лингвокультур может быть

представлено на определенном этапе развития языка довольно исчерпывающе. Исследования продолжаются, что открывает большие перспективы в плане описания языковых картин мира.

Список литературы

1. Буланин Д. Энциклопедия «Слова о полку Игореве». – СПб.: Институт русской литературы, 1995. 398 с.
2. Гачев Г. Национальный космо-психо-логос // Вопросы философии, 1994, № 12. С. 59-78.
3. Гачев Г. Национальные образы мира: Америка в сравнении с Россией и славянством. – М.: Раритет, 1997. 680 с.
4. Гумбольдт В. фон. О различии строения человеческих языков и его влиянии на духовное развитие человечества (1830-1835) // В. Гумбольдт. Избранные труды по языкознанию. – М.: Либроком, 2013.
5. Всеволодова М.В. Теория функционально-коммуникативного синтаксиса: Фрагмент прикладной (педагогической) модели языка: Учебник. – М.: Изд-во МГУ, 2000. 502 с.
6. Караулов Ю.Н. Языковое сознание как процесс / Теоретические предпосылки одного эксперимента. – Слово. Юбилеен сборник, посвящен на 70-годушнината на проф. И. Червенкова. София, 2001. С. 128-129.
7. Лотман Ю.М. Внутри мыслящих миров: Человек – Текст – Семиосфера – История. – М.: Языки русской культуры, 1996. 447 с.
8. Мильруд Р.П. Язык как символ культуры // Язык и культура. 2013. № 2 (22). С. 43-60.
9. Николаева Т.М. От звука к тексту. – М.: Языки русской культуры, 2000. 324 с.
10. Степанов Ю.С. Семиотика. – М.: Наука, 1971. 679 с.
11. Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. – М.: Слово/Slovo, 2000. 624 с.
12. Sapir E. Culture, Language and Personality / Ed. by D.G. Mandelbaum. – Berkeley, CA: University of California Press, 1958. 207 p.
13. Senft G. Culture and Language Use. – Sydney: John Benjamins Publishing Company, 2009. 280 p.
14. Po-Ching Y., Rimmington D. Chinese. A Comprehensive Grammar. – N.Y.: Routledge, 2004. 418 p.
15. Quindi F. Visual Anthropology. – Walnut Creek: AltaMira Press, 2004. 293 p.

16. Whorf B. Language, Thought and Reality / Ed. by J.B. Carroll. – Cambridge, MA: MIT Press, 1956. 278 p.

References

1. Bulanin D. Entsiklopediya «Slova o polku Igoreve». – SPb.: Institut russkoy literatury, 1995. 398 p.
2. Gachev G. Natsionalnyiy kosmo-psiho-logos // Voprosy filosofii, 1994. № 12. Pp. 59-78.
3. Gachev G. Natsionalnyie obrazy mira: Amerika v sravnenii s Rossiey i slavyanstvom. – M.: Raritet, 1997. 680 p.
4. W. von Humboldt. O razlichii stroeniya chelovecheskih yazyikov i ego vliyaniy na duhovnoe razvitie chelovechestva (1830-1835) // V. Gumboldt. Izbrannyye trudy po yazyikoznaniyu. – M.: Librokom, 2013.
5. Vsevolodova M.V. Teoriya funktsionalno-kommunikativnogo sintaksisa: Fragment prikladnoy (pedagogicheskoy) modeli yazyika: Uchebnik. – M.: Izd-vo MGU, 2000. 502 p.
6. Karaulov Y.N. Karaulov Y.N. Yazyikovoie soznanie kak protsess / Teoreticheskie predposylki odnogo eksperimenta. – Slovo. Yubileen sbornik, posveten na 70-godishninata na prof. I. Chervenkov. Sofiya, 2001. Pp. 128-129.
7. Lotman Y.M. Vnutri myislyaschih mirov: Chelovek – Tekst – Semiosfera – Istoriya. – M.: Yazyiki russkoy kultury, 1996. 447 p.
8. Milrud R.P. Yazyik kak simvol kultury // Yazyik i kultura. 2013. № 2 (22). Pp. 43-60.
9. Nikolaeva T.M. Ot zvuka k tekstu. – M.: Yazyiki russkoy kultury, 2000. 324 p.
10. Stepanov Y.S. Semiotika. – M.: Nauka, 1971. 679 p.
11. Ter-Minasova S.G. Yazyik i mezhkulturnaya kommunikatsiya. – M.: Slovo/Slovo, 2000. 624 p.
12. Sapir E. Culture, Language and Personality / Ed. by D.G. Mandelbaum. – Berkeley, CA: University of California Press, 1958. 207 p.
13. Senft G. Culture and Language Use. – Sydney: John Benjamins Publishing Company, 2009. 280 p.
14. Po-Ching Y., Rimmington D. Chinese. A Comprehensive Grammar. – N.Y.: Routledge, 2004. 418 p.
15. Quindi F. Visual Anthropology. – Walnut Creek: AltaMira Press, 2004. 293 p.
16. Whorf B. Language, Thought and Reality / Ed. by J.B. Carroll. – Cambridge, MA: MIT Press, 1956. 278 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Федосеева Лариса Николаевна, доктор филологических наук

Академия ФСИИ России

ул. Сенная, д. 1, г. Рязань, 390036, Россия

LN-FEDOSEEWA@yandex.ru

DATA ABOUT THE AUTHOR

Fedoseeva Larisa Nikolaevna, Ph.D.

Academy FSIN of Russia

1, Sennaya, st. Ryazan, 390036, Russia

LN-FEDOSEEWA@yandex.ru